

АНТОН МАМОН

ОТПЕЧАТКИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М22

Книга подготовлена совместно издательствами Строки и Эксмо

Мамон, Антон Вадимович.

М22 Отпечатки / Антон Мамон. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Кинопремьера мирового масштаба).

ISBN 978-5-04-241249-3

Невиданная жестокость охватывает тихий городок Заречный. Убийца не щадит ни женщин, ни детей.

Следователь Яна Князева возвращается в родные места, чтобы раскрыть это проклятое дело. В паре с харизматичным капитаном полиции Денисом Симоновым она использует все методы, чтобы найти душегуба.

Одна из зацепок приводит их к заброшенному детскому дому...

Жуткие воспоминания переносят Князеву в далекое и несчастное детство. Все дороги ведут в прошлое.

Осмелится ли Яна посмотреть ему в лицо?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-241249-3

© Мамон А., текст, 2026
© Издание на русском языке, Строки, 2026
© Книга подготовлена совместно издательствами
Строки и Эксмо

Кружка разбилась вдребезги, оставив на стене коричневую чайную кляксу. Алиса резко повернула голову в сторону мужа. Ее лицо побледнело от возмущения и обиды. Затушив сигарету в банке из-под кофе, она бросилась собирать осколки. Глаза щипало от слез.

— Псих ненормальный! — Голос срывался, но она не заплакала.

— А нахера ты все это устроила тогда? Не живет-ся спокойно, да? Я что, не имею права в свой же выходной расслабиться? Или только ты у нас по жизни устаешь?! — Глеб ударил кулаком по столу так, что оставшаяся посуда подпрыгнула.

— Детей не буди, придурок, они только уснули, — сказала Алиса и тут же вздрогнула, порезав палец

осколком. — Сука! Все из-за тебя. Вся жизнь наперекосяк из-за тебя...

— Какая из? — горько усмехнулся Глеб. — У тебя же их две.

— Что ты несешь? — вспыхнула супруга, присосавшись губами к ране.

— Да так, ходят разговорчики по двору. Забей, дорогая...

— Нет уж! Начал — говори.

— А чего говорить-то? — Глава семейства почесал бороду. — Весь дом знает, кто и на какой тачке тебя подвозит. Или что, отпираться будешь?

Алиса задрожала всем телом. Остановить кровь ей так и не удалось. Густые красные капли падали на пол и подоконник, но она все равно закурила, глядя в холодный и дождливый мрак. *«Знает все-таки»*, — стрелой пронеслось в ее мыслях. Правда, которую она так долго скрывала в ночных переписках и спонтанных встречах, внезапно вышла на свет божий. Вот так просто, посреди очередной ссоры. Даже не как упрек и не повод для нового скандала, а так, «забавный факт» из их общей, пока еще семейной биографии.

— Даже ничего не ответишь? — Глеб бессмысленно разглядывал узор на старой грязной сахарнице.

— Я тебе давно неинтересна... Опомнися! — просипела Алиса, выпустив облако дыма в форточку.

— И чего, как он? Не такой мудака, как я?

— Достойный мужчина. — Алиса сощурилась от очередного укола где-то глубоко в порезанном пальце.

— Почему тогда не ушла к достойному? Со мной же все не так.

— Тебя жалела... всю нашу совместную жизнь. Но все, кончилась лафа. Я хочу развестись. Как можно скорее, если ты не против, — холодно произнесла она без капли сожаления.

— Да и вали.

— Конечно, — ухмыльнулась Алиса. — Детей только соберу, и больше ты нас не увидишь.

— Я тебе дам детей! — Глеб резко подскочил и в считанные мгновения оказался лицом к лицу с женой.

Высокий и спортивный, он возвышался над хрупкой блондинкой. Его кулак подлетел и замер в воздухе. Алиса не попыталась увернуться. Напротив, без страха смотрела в глаза отцу своих детей и пронзительно шептала:

— Ну давай, герой! Бей! Ты же этого хочешь?!

— Хер тебе! — выплюнул Глеб и со всей силы ударил в деревянную раму.

По батарее истерично застучали, где-то за спиной скрипнула кухонная дверь. Супруги обернулись на звук. На пороге стояли заспанные дети. Девочка

со спутанными косичками робко прижимала к себе младшего брата, не сводя глаз с родителей.

— Молодец, добился своего, — кивнула Алиса. — Так, ну-ка, быстро спать!

Малыши послушно отступили. В их сонных глазах читался неподдельный страх. Казалось, оба вот-вот разрыдаются. Глеб замотал головой и бросился к выходу. Железная дверь хлопнула.

— Я сказала — марш в комнату! — прошипела Алиса дочери и сыну.

Перепуганные дети убежали, не проронив и слова. Алиса осталась на кухне одна. С пульсирующим пальцем, горечью табака на губах, но до странности спокойная. Больше не придется врать и скрываться. Обман вышел наружу, но вместе с тем с души упал камень. Она устало осмотрела кухню в поисках венника, но тут ее отвлек звонок в дверь.

— Опять ключи забыл, придурок. — Алиса вышла в прихожую и приготовилась к новому раунду схватки.

Пальцы опустили дверную ручку. Из темноты лестничной клетки на Алису взглянули полные ненависти глаза. Она испуганно отшатнулась, но было слишком поздно. Мощный толчок в грудь. Треск сломавшегося комода. Лезвие ножа, отразившее мутный яично-желтый свет коридорной лампочки. Алиса хотела закричать, но не успела. Тьма поглотила ее без усилий, в один рывок...

* * *

В комнате было накурено. Удушающий сизый дым медленно оседал, размывая лица. Игра в молчанку явно затянулась, но ее виновница и не думала сдаваться. Она с вызовом смотрела в глаза коллегам, словно пытаясь вывести их из себя. На лице — самодовольная ухмылка, поза расслабленная, вальяжная. Яна Князева держалась уверенно. Пожалуй, даже слишком уверенно для человека в ее положении. Прикурив очередную сигарету, она закинула ногу на ногу и качнула головой.

— Ребят, дел полно. Может, уже хватит? Пойдем работать.

— Яна! — на глазах закипал Герасимов. — Ты вконец охамела? Забыла, что я твой начальник?

— Забудешь тут с вами, Алексей Петрович... Что вы от меня еще хотите? Да, сглупила, перегнула палку. С кем не бывает?

— Палку перегнула?! Да у него шесть ребер сломано и запястье! Это помимо синяков и ссадин. Ты вообще знаешь, кто его отец?

— Знаю, — пожала плечами Яна. — Но это не дает ему права поднимать руку на девочку. Тем более сироту. Я всего лишь отплатила ему той же монетой. Извиняться не буду.

— Извиняться?! — Герасимов расстегнул две верхние пуговицы на рубашке. — Да ты не просто извинишься, а жопу его расцелуешь, если понадобится.

— То есть я не права?

— Яна. Не доводи до греха. Тут и дураку понятно, что он козел. Но человек с такими связями может нами как фигурками в шахматы играть. Молись, чтобы он не решил с тобой покончить. — Алексей Петрович допил остывший чай. — И вообще, забыла такое понятие, как честь мундира?

— На подонков она не распространяется. Вы бы видели, с какой усмешкой он говорил, что ничего ему за избиение не будет. Мол, что хочу, то и ворочу. Пришлось проучить немного. Глядишь, в следующий раз задумается, прежде чем руки распускать.

— Чисто по-человечески ты права. Но нам бы сейчас сгладить эту ситуацию, иначе всему отделу хана, — вкрадчиво произнес Герасимов. — Ян, ну будь ты человеком...

— Нет, — без раздумий ответила Князева.

— Тогда отстранена! На месяц. Минимум!

— Серьезно? А кто будет делом заниматься?

— Найдем кого-нибудь поговорчивее. Да хоть бы и Журавлев.

— Вы не посмеете. — Губы Яны сжались в тонкую ровную полоску.

— Еще как посмею. Уже! — Алексей Петрович демонстративно отправил сообщение и кивнул коллегам.

— Чудесно, — прошептала Яна, сжимая кулаки до боли. — Значит, я свободна?

— Ты ведь этого хотела? — грубо произнес начальник, но едва заметным движением глаз указал на телефон Князевой, который лежал на столе экраном вниз.

Та не ответила. Схватив мобильный, она резко зашагала в сторону выхода и что было сил хлопнула дверью.

БОСС

Посиди тихонько дома. Пару недель.
Я все улажу, и ты вернешься

Легче не стало. Горечь обиды отравляла нутро. Покидая отделение полиции, Князева изо всех сил держалась, чтобы не перевернуть чей-нибудь стол или не толкнуть очередного коллегу, который привык закрывать глаза на преступления власть имущих.

С самого детства Яна мечтала работать в полиции. Но не за бесплатный проезд в транспорте и не ради повышенных выплат за стаж и звание. Все эти простые и понятные человеческие блага не играли никакой роли в жизни девушки. Единственное, что ее действительно влекло, — справедливость. Запоздалая, частичная, нередко сомнительная, но все же справедливость... Князева поклялась защищать ее всеми силами, а еще — вступаться за тех, кого обижают. Это светлое и совершенно наивное устремле-

ние зародилось в бессознательном возрасте, но Яна пронесла его сквозь годы и ни разу не усомнилась в собственных идеалах.

Реальная работа в органах не имела ничего общего с детскими мечтами. Нельзя сказать, что полицейские участки сплошь населены оборотнями в погонах; разумеется, нет! Бóльшая часть коллег — приятные и спокойные люди, которым не нужно многого. Они довольствуются тем, что имеют, и не хотят выделяться. Идеальные шестеренки в огромном механизме охраны порядка и расследований. Молчаливые, послушные, неконфликтные — полная противоположность Яне. Даже на третий год службы системе ее не удалось сломать, построить или хотя бы приструнить немножечко. Она все еще оставалась той самой занозой в известном месте у начальства. За это ее не любили всем отделом, но и уважали ровно по той же причине.

Вырвавшись за пределы отделения, Князева повертела головой, сверилась с часами и уверенно двинулась в сторону бара. Хотелось напиться до тошноты. Настолько, чтобы не было сил встать с места. Ведь на душе и без того погано... Вдруг сработает то самое математическое правило и минус на минус в кои-то веки даст плюс? А если нет, то и бог с ним. Лучше страдать от похмелья, чем от бессильной ярости, разъедающей изнутри похлеще любого спиртного.

— Виски. Двойной, — на ходу раздеваясь, бросила Яна бармену.

— Сейчас все сделаем по красоте, Яна Дмитриевна. Тяжелый день?

— Не хочу говорить об этом, — отрезала Князева.

— Понял, не дурак, — кивнул парень.

Яна плюхнулась за стойку и попыталась выровнять дыхание. Воспоминания о неприятном разговоре все еще кипятили кровь, но предвкушение приятной спутанности сознания пересиливало. Она закрыла глаза и уперлась лбом в лакированную поверхность. Стук стекла о дерево моментально вывел из транса. Князева залпом осушила стакан и взмахом руки дала понять, что ждет продолжения.

— Что же там у вас творилось сегодня? — покачал головой бородач, подливая добавки.

— Лучше тебе не знать, — шмыгнула носом Яна. — Проклятое местечко, но ничего, еще побарахтаемся.

— Везде свои приколы, — вздохнул бармен. — У нас тоже не сахар. Сейчас вон начнется экзекуция. Вечер караоке, мать его.

— Хочешь, я тебе спою что-нибудь? — поморщившись от очередного «залпа», спросила Яна.

— Не знал, что ты умеешь.

— А я и не умею. Но когда это кого останавливало? Русский рок любишь?

— Смотря что, — рассмеялся парень.

— «Наутилусы»? — Князева в надежде свела брови.
— Ранний репертуар — святое. Подпою!
— По рукам. Пойду закажу песню, а ты мне повтори пока что.

Пробираясь сквозь толпу потных мужиков, Князева лоб в лоб столкнулась с одним из них. Высокий, симпатичный, с грустным и усталым взглядом. Едва не окатив незнакомку пивом, он извинился вполголоса и направился к бару. Туда, где еще минуту назад выпивала сама Яна.

«Скованные одной цепью, связанные одной целью», — заплетающимся языком повторяла она в микрофон, разглядывая захмелевшую толпу. Собравшиеся едва ли замечали неуклюжую девушку на сцене. Каждый был занят чем-то своим. Одни играли в бильярд, другие заливали глотки дешевым пойлом, третьи ковыряли во рту зубочистками и лениво переговаривались, глядя на экраны, где без звука транслировали футбольный матч. И только он, тот самый незнакомец из толпы, не сводил глаз с Князевой. Казалось, он слышит что-то совершенно иное, а не пьяные крики мимо нот.

Закончив свой экспромт под жиденькие аплодисменты, Яна вернулась на место. Бармен без лишних уточнений налил ей очередную порцию виски и, подмигнув, удалился. Яна накатила для храбрости и выдохнула:

— Один тут отдыхаешь?

— Что? — неловко улыбнулся мужчина.

— Знакомишься, говорю?

— Вроде того...

— Зовут как? — Князева с интересом разглядывала подкачанный торс, скрытый растянутой футболкой.

— Глеб.

— Глеб-хлеб, — глупо хохотнула она. — Яна.

— Приятно. — Новый знакомый пожал руку Князевой.

— Как дела, Глеб?

— Если честно, хреново. Твои?

— Еще хуже, — сморщилась Яна. — Мы на равных, выходит. Два неудачника... Хочешь, поможем друг другу?

— Это чем же?

— А ты как думаешь? Заглушить боль душевную. Давай, не ломайся. По кодексу неудачников отказываться нельзя, знаешь об этом?

— Теперь знаю. — Глеб подсел ближе.

— Вот и умочка, хороший мальчик. — Яна прижала пустым бокалом несколько бирюзовых купюр и мотнула головой. — Идем?

— Как скажешь. — Глеб также расплатился за выпитое и накинул куртку.

Двое покинули бар с единственной целью: хоть ненадолго забыться в объятиях и ласках случайного встречного. А дальше — все как в самых дурацких

ромкоммах начала нулевых, где от страсти у героев напроць съезжает крыша: они целуются в такси, наперегонки бегут вверх по лестнице и рушат все на своем пути, раздевая друг друга прямо с порога. Впрочем, были и отличия...

Квартира Князевой совсем не походила на место для романтической ночи. Условия спартанские: тридцать три квадратных метра обшарпанной однушки, лакированный шкаф, письменный стол, стеллаж с книгами и выдавший виды матрас, небрежно брошенный прямо на пол. Нечто похожее можно наблюдать в жилище заядлого холостяка. Либо же у того, кто домой приходит в лучшем случае переночевать, как Яна. Впрочем, ее сама эта нарочитая аскетичность не смущала. Князева любила свою «берлогу» и плевать хотела на мнение тех, кто в ней случайно оказывался.

— Давно ты тут обосновалась? — Глеб шумно дышал, расстегивая рубашку.

— Не твое дело, — усмехнулась Яна и толкнула его на продавленный матрас.

Глеб больно ушиб локоть, но виду не подал. Особенно после того, как его новая знакомая в одно движение стянула с себя майку. Взору открылась спортивная, почти мальчишеская фигура: небольшая аккуратная грудь, впалый живот, острые плечи с выпирающими ключицами. Глеб замер на мгнове-

ние, когда Яна подобралась вплотную. Лицо его казалось бледным.

— Что, не нравлюсь? — напрямую спросила Князева.

— Нравишься, конечно. Еще как! — поспешил оправдаться Глеб.

— А чего тогда тормозишь?

— Просто я это...

— Женат? — Улыбка Яны казалась издевательской. — А то я не поняла! — Она покосилась на простенькое колечко на безымянном пальце.

— То есть ты...

— Боже, да заткнись ты уже и поцелуй меня. — Яна хищным движением повалила смущенного гостя, и тот окончательно сдался.

Утро наступило внезапно. Отключившись лишь на пару часов, Князева снова открыла глаза в расветных сумерках. Летом светлело непростительно рано. Уже в половину четвертого чернильные небеса становились бледно-голубыми, а часом позже солнце полноценно заливало сонный город слепящими лучами. В такие моменты Яна думала, что непременно купит себе шторы блэкаут или хотя бы маску для сна, и укрывалась с головой тонкой простыней. Но сейчас все было иначе. Осознание того, что рядом лежит и похрапывает фактически незнакомец, мешало расслабиться. Яна поднялась и намеренно шумно проследовала в ванную, ожидая, что

протрезвевший любовник догадается покинуть ее дом прежде, чем она вернется. Глеб оказался не из проницательных. Когда Яна открыла дверь, выпустив облако пара, он уже не спал: скромно сидел на краю матраса в трусах, обнимая колени.

— О, ты уже собираешься? — с надеждой спросила Князева. — Что же, рада была познакомиться... Глеб ведь, так?

— Верно, — с каким-то странным опустошением произнес он. — Нальешь кофе, если не сложно?

— Знаешь, внизу, в двух минутах от дома есть отличная кофейня. Круглосуточная. Они в этом деле явно опытнее меня. Так что предлагаю не рисковать.

— Тогда, может, чаю? — Глеб поскреб заросшую щеку.

— Если что, второго захода не будет. Все, я трезвая. А ты женатый. — Яна предельно нагло кинула в мужчину его же джинсами.

— Она мне тоже изменяла. И не раз. У нее на постоянной мужик есть.

— Передо мной можно не оправдываться. Я сама, как ты понял, далеко не ангел.

— Самое обидное, — Глеб будто не понимал намеков, — то, что она детей против меня настраивает. Какая бы хрень ни случилась — это папа плохой. Видимо, готовит почву для нового хахаля... А я ведь не плохой. Реально кручусь как могу на двух рабо-

тах, деньги в дом приношу. Но ей все не то. Все мало, — обреченно проговорил он.

— Очень трогательно, сейчас расплачусь, — с деланным безразличием ответила Князева. — Только тут тебе не кабинет психолога и даже не ночлежка. Дуй давай, у меня дела.

— В пять утра? — Глеб нехотя натянул светлые джинсы и поднялся.

— Ненормированный график, бешеный ритм, — даже не пытаясь выдать правдоподобную версию, сказала Яна.

— Ясно. Ладно, я пошел... Хотя подскажи, есть тут, может, хостел какой? Хочу доспать и помыться по-человечески. В таком виде домой не поеду.

— Думала, ты местный. — Яна суетливо передвигалась по кухне, готовя завтрак на одного.

— Да не, я из Заречного, — отмахнулся Глеб. — Это больше часа на тачке пилить...

— Глеб из Заречного? — Яна внезапно уронила миску с омлетом. — А фамилия какая?

— Васильев. А что?

Не удостоив собеседника ответом, Яна подобралась некомфортно близко и вгляделась в лицо любовника. Все верно, никакой ошибки... Даже там, под густой щетиной, укрывавшей подбородок и щеки, виднелся шрам.

Тот самый шрам.

Голова закружилась, к горлу подкатил ком. Яна почувствовала, как ветер воспоминаний уносит ее душу из тела...

...Крошечная Яна забилась в угол пыльной подсобки, волчонком глядя на своих мучителей. Двое мальчишек, заметно старше и выше, крепко держали ее за грудки. В их лицах, перекошенных злыми улыбками, читалось абсолютное самодовольство – триумф шакалов на службе у тигрицы.

– Ну что, дура, извиняться будешь? – шипел Глеб, крепче сжимая ткань футболки в кулаке.

– А она типа не понимает по-хорошему. – Калинин, рыжий дружок изверга, прикусил губу от удовольствия. – Может, надавать ей лещей и закрыть тут, в подсобке с крысами, чтобы они ей лицо обглодали?

– Хм, идея. Так и сделаем. Ночку тут посидит и научится уважать старших. Искать ее все равно никто не станет...

– Думаешь? – издевательски подхватил Калинин.

– Конечно. Она даже собственным родителям не нужна. Слышал, воспиталки рассказывали, как ее в одних трусах сюда привезли, лишь бы поскорее избавиться!

Слово «родители» сработало как триггер. Запуганная Яна изменилась в лице. Ее глаза налились